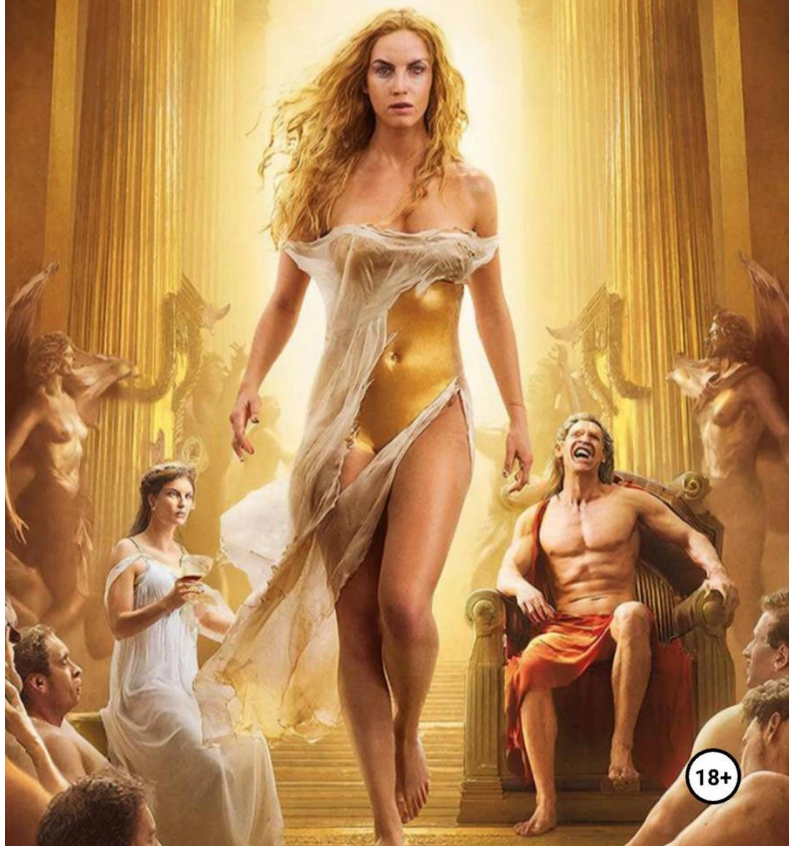

ПОСЛЕДНЯЯ ИГРА

АФРОДИТЫ

Ростислав Пименов

Ростислав Пименов

Последняя Игра Афродиты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73128893

SelfPub; 2026

Аннотация

Изгнанная с Олимпа после унижительного скандала, Афродита ищет забвения на краю мира. В забытом храме её ждёт Эон – загадочный странник, равнодушный к её божественной красоте. Он просит лишь одно: её волшебный пояс, чтобы навсегда остановить «шумную игру» мироздания и даровать всему существу вечный покой.

Их встреча становится титаническим поединком идей. Страстная богиня, защищающая боль и восторг как основу жизни, против спокойного вестника конца, видящего в её даре лишь болезнь. Когда спор достигает предела, Эон использует пояс и стирает старый мир, создав вместо него совершенную, безмолвную гармонию.

Но даже в этом идеале рождается тоска. И тогда Афродите предлагают невозможное – не вернуть прошлое, а вместе придумать новые правила для новой вселенной. Их диалог становится творением и разрушением целых реальностей, пока простой и шокирующий эксперимент не откроет путь к игре, которую не мог вообразить ни один бог.

Содержание

Пролог.	4
Глава 1. Пустота у края.	8
Глава 2. Камень и пена.	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Последняя Игра Афродиты

Пролог.

Дым от сгоревшей брачной постели еще стелился по мраморным залам, а смех уже катился эхом по золотым сводам Олимпа.

«О, смотрите-ка! Сам супружник-кузнец наконец поймал свою блудливую муху в медную сеть!» – громыхающий хохот Диониса сливался с мелодичным, ядовитым хихиканьем нимф.

«Не муху, дорогой, а двух голубков! И таких воинственных!» – парировала чья-то насмешка.

Афродита шла по бесконечному коридору, и каждое слово впивалось в спину, как тонкая игла. Она не прятала лица. Зачем? Ее щеки горели не от стыда, а от ярости. Бешеной, кипящей, унижительной. Гефест поймал их. Поймал! Со всеми потрохами, с потной кожей Ареса, с ее растрепанными золотыми волосами, запутавшимися в звеньях той проклятой, невидимой сети, что он выковал с таким коварным мастерством.

Он не ударил. Не проклял. Он... позвал гостей.

Представьте! Вывести связанных, нагих любовников на всеобщее обозрение перед лицом всех олимпийцев! Зевс хотел до слез, утирая бороду. Гера смотрела со своим веч-

ным, ледяным удовлетворением. А Арес... могучий, глупый Арес, ревел как раненый бык, вырываясь из сияющих пут, и только сильнее запутывался, его ярость делала их обоих еще более жалкими.

«Ты думала, я не знаю?» – голос Гефеста был тихим, но он перекрыл весь хохот. Он стоял перед ней, кривой, могучий, с лицом, обезображенным трудом и обидой. «Ты думала, твоя красота дает тебе право вытирать о меня ноги? Я – твой муж. И ты – мой позор».

«Твой позор? – выдохнула она, и голос сорвался в презрительное шипение. – Ты – моя клетка, кузнец. Твоя наковальня, твой дым, твое вечное ковыляние! Ты думаешь, эта сеть что-то изменит? Ты поймал тела. Души тебе не поймать никогда».

Гефест хмыкнул, и в его единственном живом глазу мелькнуло что-то опасное. «Мне не нужны ваши души. Мне нужна расплата. И отец наш согласен».

Зевс, все еще давясь от смеха, махнул рукой. «На сей раз, дочь, ты перешла все границы. Даже для тебя. Изыди. Пока я не передумал и не бросил тебя в Тартар вместе с этим тупоголовым любовничком. Ищи успокоения там, где нас нет. И не возвращайся, пока страсти не остынут».

«Они не остынут никогда!» – крикнула Арес, но его уже тащили прочь стражники, а его крик потонул в новом взрыве хохота.

Афродита вышла. Не ушла – вышла. С гордо поднятой го-

ловой, чувствуя, как взгляды жгут ее обнаженные плечи. Она слышала шепотки:

«Вечная потаскуха...»

«Думает, все ей позволено...»

«Гефест слишком добр, надо было пригвоздить к той же наковальне...»

Она мчалась прочь от Олимпа, от этого оплота лицемерия. Вниз, к морю, которое когда-то ее породило. Соленый ветер хлестал ее лицо, но не мог смыть жгучее унижение. Ей нужно было место, где нет этих глаз. Нет этих усмешек. Где нет вообще никого. Где можно перестать быть Афродитой, богиней любви и скандалов, и на миг стать просто... пеной. Тишиной.

Ее ноги, знающие каждую тропинку в мире страсти, сами принесли ее туда, куда даже Посейдон заглядывал редко – на самый край обитаемого мира. Там, где скалы, черные как ночь, обрывались в не океан, а в нечто иное – в бездонную, мерцающую хмурым светом Пустоту. И на утесе, смотрящем в эту бездну, стоял храм. Храм Посейдона, забытый даже своим повелителем. Полуразрушенные колонны, похожие на кости древнего левиафана, высились против ветра, идущего из Ниоткуда.

Именно здесь. Безмолвие. Забвение. Ни одного взгляда.

Она вошла под обвалившийся портик, и ее шаги отдавались гулко в мертвом воздухе. Ни запаха ладана, ни следов жертвоприношений. Только камень, ветер и вечный шепот

бездны за краем света.

Она сделала глубокий вдох, впервые за долгие часы чувствуя, как спазмы гнева и стыда начинают отпускатъ. Она подошла к самому краю внутреннего двора, к тому месту, где пол обрывался, открывая головокруглительный вид в пустоту, и...

На камне, отполированном до зеркального блеска вечными, не знающими преград ветрами, сидел Он.

Не бог. Не титан. Не дух места. Просто человек? Но какой человек сидел бы здесь, на краю мироздания, спиной к бушующей Пустоте, с видом таким спокойным, будто наблюдал за течением ручья в долине?

Он не обернулся. Не подал виду, что заметил ее появление. Он просто был. И его присутствие было тише молчания храма. Оно впитывало в себя весь шум ее души, всю ярость, весь позор, и возвращало ей лишь тихий, безразличный отклик камня.

Афродита замерла. Ее убежище было занято. И занято тем, перед кем ее красота, ее скандалы, ее божественная суть, казалось, не имели ровным счетом никакого значения.

Ветер из Пустоты рванул ее золотые волосы и тонкие одежды. Где-то далеко, в другом мире, еще звенел олимпийский смех. А здесь, на краю всего, начиналось что-то иное.

Глава 1. Пустота у края.

Ветер здесь был другим. Он не ласкал, не играл прядями. Он выл протяжно и одиноко, как струна, натянутая между миром и ничем. Он задувал под тонкий хитон Афродиты, обвивая холодом бедра, и она вздрогнула – не от холода, а от абсолютной, безличной чуждости этого места. Оно не признавало ее власти. Оно не желало ее. Здесь не было эха для ее смеха, отклика для ее слез.

А он сидел.

Спиной к ней. К бездне. К ветру. Сидел на самом краю отполированного уступа, и его поза не была позой отчаяния, созерцания или ожидания. Она была позой... присутствия. Как скала присутствует. Ни больше, ни меньше.

Ярость, еще тлевшая в ее груди, вспыхнула с новой силой. Какой-то смертный осмелился?.. Нет, не смертный. В нем не было смертной дрожи перед бездной. В нем не было ничего, что она могла бы распознать. И это бесило ее больше всего.

«Это место занято», – сказала она. Голос прозвучал резко, отрезая вой ветра. Ее привычный, медово-хрипловатый тембр, от которого содрогались сердца, здесь казался просто шумом.

Он не обернулся.

– Я знаю, – проговорил он. Голос был низким, ровным, без вибраций. Он не нес в себе ни угрозы, ни приветствия.

Просто констатация.

– Ты знаешь? – она сделала шаг вперед, и песок, занесенный на каменные плиты, закрипел у нее под босыми ногами. – Ты знаешь, кто я?

– Ты – тот, кто ищет убежища от последствий. – Он слегка повернул голову, дав ей увидеть профиль. Не молодой, не старый. Лицо, высеченное тем же ветром, что и скала под ним. Ни красоты, ни уродства. Просто... лицо. – Я не помешаю. Здесь достаточно места для двух уставших.

«Уставших». Слово кольнуло ее. Она не устала! Она была разгневана, унижена, полна презрения. Усталость – удел смертных и стариков.

– Я не устала, – выпалила она, и звучало это по-детски, что заставило ее внутренне содрогнуться. Она приблизилась еще, теперь стояла почти рядом, глядя на его спину, закутанную в простой, грубый плащ из не то кожи, не то выбеленного холста. – Я – Афродита. Киприда. Рожденная из пены. Ты должен пасть ниц.

Наконец он двинулся. Медленно, без суеты, развернулся к ней. И она увидела его глаза. Цвета мокрого песка перед штормом. В них не было ни страха, ни восхищения, ни даже любопытства. Была лишь глубокая, утомленная внимательность. Он окинул ее взглядом – с головы до пят, задержавшись на запястье, где еще виднелись красные полосы от сетей Гефеста, на разорванном хитоне, открывающем бедро, на спутанных, диких волосах. Он видел все – следы борьбы,

гнева, позора. И это видение было таким же безоценочным, как взгляд врача на рану.

– Я вижу, – сказал он просто. – Тебя поймали. И выставили на посмешище. Это должно было быть болезненно для того, кто ценит поклонение.

Она застыла, словно ее ударили. Он не просто знал. Он видел. И говорил об этом так, как говорят о погоде.

– Кто... ты? – прошептала она, и в голосе впервые прозвучала не властность, а настоящая растерянность.

– Меня зовут Эон, – ответил он. – И я пришел не за поклонением, Афродита. Я пришел за твоим поясом.

Тишина, воцарившаяся после этих слов, была гуще воя ветра. Афродита услышала собственное сердцебиение – громкое, глупое, человеческое.

– Мой... пояс? – она невольно коснулась руки талии, где под тканью лежал теплый, живой металл, источник ее власти, ее оружие и украшение. И вдруг засмеялась. Резко, нервно. – О, боги! Итак, ты все же не лишен желаний? Ты хочешь его для себя? Для того, чтобы наконец-то зажечь в себе страсть? Или, может, для какой-нибудь земной девчонки, что не смотрит на тебя? – Она сделала шаг ближе, и теперь аромат ее кожи – морская соль, кипарис и нечто сладкое, невыразимое – должен был достичь его. Она наклонилась, чтобы ее губы оказались рядом с его ухом. – Я могу дать тебе то, что дает пояс, без всякого пояса, Эон. Зачем тебе игрушка, если можно получить саму богиню?

Она положила ладонь ему на плечо. Ее прикосновение заставляло расцветать сады и начинать войны. Оно было теплым, живым, обещающим целую вселенную наслаждений.

Но ни одна его мышца под грубой тканью не дрогнула. Он медленно поднял свой взгляд и встретился с ее глазами. Так близко. И в его взгляде не вспыхнуло ни огня, ни смятения. Лишь... легкая, научная отстраненность, словно он наблюдал интересное, но предсказуемое природное явление.

– Ты пытаешься соблазнить меня, – констатировал он. – Это твой первый инстинкт. Как у змеи – ужалить. Ты думаешь, это сработает, потому что это всегда работало. Но я не пришел за этим.

Он аккуратно, без грубости, но с неумолимой твердостью, снял ее руку со своего плеча. Его пальцы были теплыми, сухими и ужасающе нейтральными.

Афродита отшатнулась, как от ожога. Не от отвращения, а от шока. Ее оружие, ее суть – были проигнорированы. Не отвергнуты с криком, как это делал целомудренный Артемид, не осуждены с презрением, как Гера. Просто... сочтены нерелевантными. Как если бы луч солнца попытался «соблазнить» глухую скалу.

Впервые за всю свою бесконечную жизнь она почувствовала ледяную щель тревоги под ногами. Не гнев. Не ярость. Тревогу. Кто этот человек, перед которым она – всего лишь шум?

– Зачем тебе пояс? – ее голос звучал чужим, без привыч-

ных обертонов. – Что ты собираешься с ним сделать?

Эон снова повернулся к бездне, словно их разговор был исчерпан.

– Мир болен, Афродита, – сказал он задумчиво, глядя в пустоту. – Болен страстью. Болен желанием, которое никогда не насыщается, болью, которая не учит, и кратким наслаждением, за которым всегда следует пустота. Твоя игра зашла слишком далеко. Колесо нужно остановить. А для этого... мне нужен ключ. Твой пояс.

Она стояла позади него, дрожа от непонятной ей самой смеси чувств. И впервые за этот долгий, унижительный день, позабыв про Гефеста, Ареса и смех Олимпа, Афродита почувствовала настоящий, леденящий душу страх.

Глава 2. Камень и пена.

Страх – гость редкий в душе богини. Он растворялся, не успев осесть, вытесняемый более привычными чувствами: высокомерием, гневом, любопытством. Ледяная щель под ногами Афродиты не разверзлась. Она просто дала ей точку опоры – острый, неприятный, но ясный импульс.

Она рассмеялась. На этот раз звук был глубже, увереннее, окрашенным презрительной нежностью.

– Остановить колесо? Милый Эон. Ты говоришь как жрец на похоронах, оплакивающий жизнь, которую даже не пробовал на вкус. Что ты знаешь о страсти? О том огне, что заставляet кровь петь, а мир – вращаться быстрее?

Она обошла его, встав между ним и пропастью. Теперь ветер рвал ее хитон с другой стороны, облепляя влажную от спешки ткань вокруг бедер, очерчивая каждую линию тела, которое было гимном самой жизни. Она бросала вызов не только ему, но и самой пустоте за ее спиной.

– Ты называешь это болезнью? Тогда болезнь – это сладчайший нектар. Это полет Икара к солнцу. Да, он падает. Но о, боги, как он летел! Ты предлагаешь... что? Вечно сидеть на этой скале? Созерцать твое бесстрастное ничто?

Эон смотрел на нее. Нет, сквозь нее. Как будто ее тело, ее страстная речь были лишь рябью на поверхности его глубокого, недвижимого внимания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.